

Монастырские фонды рукописей во Владимирском областном архиве (XVII—нач. XVIII в.)

По данным путеводителя «Государственный архив Владимирской области» (1959), рукописные материалы XVII—начала XVIII в. имеются в фондах таких монастырей: Боголюбовский мужской, Владимирского уезда (ф. 567); Успенский Княгинин женский в гор. Владимире (ф. 568); Муромский Благовещенский мужской в гор. Муроме (ф. 1094); Покровский женский в гор. Суздале (ф. 575); Спасо-Кукоцкий мужской, Суздальского уезда (ф. 579). Наиболее обширны материалы Покровского женского монастыря. Применительно к интересующему нас периоду содержание монастырских фондов раскрывается в путеводителе следующим образом: «Копии жалованных грамот. Дела об оброке и барщине с монастырских крестьян. Донесения старост монастырских вотчин о полевых работах. Выписки из межевых книг о монастырских вотчинах. Ведомости монастырского имущества. Контракты, заключенные с крестьянами об аренде мельниц, лесных угодий, земли и строений. Ведомости о расходе и остатках казенного хлеба. Ведомости о настоятелях, монахах, послушниках. Приходо-расходные книги»¹. Материалы того же времени находятся и в фондах мужских пустыней—Лукьяновой, Александровского уезда (ф. 584) и Флорищевой, Гороховецкого уезда (ф. 586). Составители путеводителя упоминают в этих фондах царские указы, описи монастырского имущества, приходо-расходные денежные

---

¹ Государственный архив Владимирской области. Путеводитель. Владимир, 1959, стр. 53.

отметим прежде всего приходо-расходные, которых насчитывается свыше 60. Больше всего таких книг в фондах Покровского монастыря (35) и Лукьяновой пустыни (15 — XVII в., 1 — первой половины XVIII в.), меньше их в фондах других монастырей, например, сохранилось по 4 книги — XVII и первой половины XVIII в. — Успенского Княгинина монастыря и Флорищевой пустыни. В книгах этого рода фиксировался приход и расход денег, различных материалов и припасов. Записи велись в хронологическом порядке. Вели приходо-расходные книги и представители монастырской администрации, и доверенные люди из местного населения, из монастырских вотчин — «купчины», старосты, целовальники. Их имена указывались в начале книг, в самых первых строках. Приведем два примера:

«Книга расходная козначея старца Тарасия Рыбенского РЧЕ 2 году с марта мсца», 1687, ф. 584, оп. 1, № 2, л. 23³.

«АЩА году генваря с первого числа книги расходные Покровского двча монастыря вотчинного выборного купчины Максима Степанова вышеписаннымъ приемнымъ днгам что он принималъ у подячего у Василя Крюковского и куды что сорено и то писано ниже сего», 1701, ф. 575, оп. 1, № 26, л. 31.

Лица, которые вели книги, не всегда являлись их писцами. Например, в книгу Максима Степанова записывал подьячий, за что и получал вознаграждение. Об одной из форм вознаграждения в книге сказано так: «Заплачено. . . за три гуся семь алтнъ. . . и два гуся отнесены на двор Василю Михайловичю (видимо, начальству. — Авт.) а гус отнесенъ в почестъ подячему Федору Григореву для того что он записывает у меня купчины расход и тот гус отнесенъ ему за работу в почестъ», там же, л. 54—54 об.

Иногда записи о выдаче денег сопровождались приложением рук просителей: Андреи Дитятев против сея записки днги взял и росписался, ф. 575, оп. 1, № 23, л. 72¹; Василеи Безпутин днги взял и руку приложилъ, там же, л. 73.

---

³ Здесь и далее после примера указываем дату, номер фонда, описи, единицы хранения, лист.

Писцы из монастырских старцев могли быть по происхождению и из других краев России. Поэтому свойственные местной речи явления фонетики и грамматики в их записях могли и не получать отражения. Безусловно препятствовало этому отражению и знакомство старцев с церковной книжностью. Зато предметно-бытовая лексика — названия, обозначения тех предметов, которые вседневно употреблялись в нехитром хозяйственном обиходе и за которые они отчитывались — отлагалась в книгах местная. Писцы и рукоприкладчики из местного населения, естественно, в той или иной степени оставляли в письме следы локальной не только лексики, но и фонетики и грамматики. При лингвистическом исследовании приходо-расходных книг эти моменты биографии пишущих приходится учитывать.

Содержанием приходо-расходных книг определяется наличие в них широкого круга предметно-бытовой лексики. Мы знакомимся здесь с названиями таких предметов домашнего обихода, явлений материальной культуры, упоминания о которых в других видах деловой письменности того же самого времени обычно не встречаются. Хозяйство монастырей, особенно больших, было достаточно разветвленным. Это наложило свой отпечаток на содержание приходо-расходных книг. Записи в них касаются различных отраслей хозяйства. Если сравнить с этой стороны монастырские приходо-расходные книги с соответствующими книгами, которые велись, например, в таможенных учреждениях XVII в., то сравнение в ряде случаев едва ли будет в пользу вторых. Обратимся к иллюстрациям. Вот, например, упоминания о предметах домашнего обихода: куплено веников березовых сотня. . . куплено на мирской двор кувшинов и корчагъ у Семена Ганчарова на восемь днгъ, 1701, ф. 575, оп. 1, № 26, л. 32; куплена кад елевая, там же, л. 41 об.; каракуля желъза куплена, там же, л. 31 об.; заметим, кстати, что слово *каракуля*, по-видимому, было вполне привычным — бывало производное от него прилагательное: куплено полсвяски желъза каракулного, 1698, ф. 586, оп. 1, № 3, л. 17. Говорится также о покупке коробов, лукошек, рукомольников и прочей утвари.

Приобретая различные материалы и вещи, авторы записей нередко указывали, для чего их покупали. Скажем, писали в книге о приобретении лопат липовых и тут же

объясняли: огребать на мнстрѣ снегъ, 1701, ф. 575, оп. 1, № 26, л. 37. В этих объяснениях порою находим косвенную характеристику отдельных реалий, а вместе с тем и уточнение семантики соответствующих названий. Ограничимся тремя примерами: куплено на воловец двор лыкъ на две днги вить привязки коровам да на завертки да ужище куплено дано днга возить солома на двор и тем ужищем привязывают, там же, л. 38 об.; куплен желѣзною заслон. . . отданъ на мирской двор въ верхъ засланиват в комнате печь, там же, л. 43; куплено четыре кади липовых на квашни, там же, л. 46. Рассеяны в книгах наименования и всякого рода съестных припасов. Записаны и свежина и «моклоки» говядины и «ссекъ» ее, и рыба в самых различных видах, от сухих вандышей до щук «колодошных» и щеки белужьей, крупы «грешневые» и ягоды, вроде жаравики (клюквы) и брусницы, а кроме того, и ягоды изюмные.

Заметный перечень составляют названия одежды, обуви и материалов, из которых шились одежда и обувь. Например, только в одной книге Лукьяновой пустыни упоминаются балахоны, зипуны, кафтаны шубные (и шубы), портки, рубахи, свитки, сарафаны; крашенина, сукно сермяжное, холсты, шубное лоскутье; башмаки, коты, лапти и сапоги. Лапти на счет продавались «обувями»: шестеры обуви лаптеи, 1687, ф. 584, оп. 1, № 2, л. 26; сорокъ обуви лаптеи, там же, л. 55, но в то же время: двои башмаки, там же, л. 35, а не «двои обуви башмаков». Аналогично вместо того, чтобы писать о парах ведер, прибегали к иному, «наглядному», выражению значения парности: куплено. . . двои коромысла вѣдер, 1695, ф. 575, оп. 1, № 295, л. 69 об.; куплено четыре коромысла вѣдер, там же, л. 70 об.

Поскольку нередко деньги тратились на различные подделки и поденные работы, в расходных записях попадают наименования лиц по мастерству или виду работы. Наименования эти не лишены интереса в словообразовательном отношении. Перечислим лишь некоторые из них: каменщики, кирпичики, кожевники, метальщики (стогов), мясники, огородники, садовники, хлебники, чашники, гребцы (сена), жнецы, косцы, кузнецы, повара, пахари, водовозы, шерстобиты. Любопытны, к примеру, такие записи: а тот мнстрской запас в селе Шиповѣ пили ели мнстрские служебники и ратые и погонцы работников за плугом, 1655,

ф. 575, оп. 1, № 23, л. 32 об.; и *всѣх ратоев у плугов и у косул (у сох. — Авт.) и погонцов кои погоняли в плугах и в косулях дватцат четьрѣ члвка да четьре бороноволока которые землю боронуют за плугами и за косулями да два садца да кошовар да хлебъникъ да конюх, там же, л. 33.*

Монастырские приходо-расходные книги любопытны еще с одной стороны. Известно, что диалектизмы в своей значительной части принадлежат к предметно-бытовой лексике. Если в других категориях памятников делового содержания они — явление редкостное, в составе предметно-бытовой лексики рассматриваемых книг они довольно обычны: дано *коссом одному за два дни с уповодом В ал В де* пяти челоуѣкомъ дано за Г дни ЕІ ал., 1687, ф. 584, оп. 1, № 2, л. 38 об.; *купил. . . десяток молотилных пущцовъ*, там же, л. 46, *три туеза*, там же, л. 69; *куплено уголя четьре острамка*, 1695, ф. 575, оп. 1, № 295, л. 88 об.; *куплено. . . шестеры ночвы*, там же, л. 68; *корецъ. . . болшой пивной долгая рукоят*, 1687, ф. 584, оп. 1, № 2, л. 56. Как видим, слова *корец* и *ночвы*, которые ныне обыкновенно связывают с южновеликорусской областью, употреблялись и в средней полосе России. Диалектными являются и отмеченные выше слова *жаравика* и *косуля* и нек. др. Приходо-расходные книги — ценный источник для изучения лексических диалектизмов в историческом аспекте.

Страницы этих книг содержат и случаи употребления отдельных слов в значениях, неизвестных нашему времени: к носилкамъ куплены оглобли, 1695, ф. 575, оп. 1, № 295, л. 87, это значение не отмечено даже в словаре Даля; в неизвестном ныне смысле функционировало слово *череп*: *масла коровья кринка и с черепом КЕ гривенок*, 1687, ф. 584, оп. 1, № 2, л. 65; *один короваи сала*, 1683, ф. 567, оп. 2, № 2, л. 48. Небезынтересно наименование предмета, который в литературном языке сохранял иноязычное название. О ремонте часового циферблата сказано: *к часамъ дѣлан указной круг желѣза изашло краснова В листа да олова VI золотников от дѣла того круга дано И ал В де*, 1687, ф. 584, оп. 1, № 2, л. 34. Примечателен случай сохранения образования, послужившего исходным для известного ныне производного слова: *облукъ санной*, 1687, ф. 584, оп. 1, № 2, л. 63 об., 73 об., ср. *облучок* 'сиденье для кучера в повозке'. Обращают на себя внимание обозначения действий, воспринимаемых в качестве опреде-

ченых: бороньба (от *боронить*), 1687, ф. 584, оп. 1, № 2, л. 33; полоть (от *полоть*), там же, л. 38, 42; обжага (от *обжигать*), там же, л. 42.

Вторая группа рукописных книг — посевные, ужинные, опытные и умолотные книги монастырских вотчин. Посевные заключали сведения о посеве, ужинные служили для учета сжатого, а умолотные — для учета обмолоченного хлеба. В начале обмолота делали опыт — брали известное количество снопов и обмолачивали их, устанавливая таким путем, каков выход зерна, производили, так сказать, «опытание» урожая. Все это записывалось в так называемых опытных книгах. На основании опыта прикидывали общий объем урожая. О характере посевных и перечисленных с ними книг дают представление следующие строки:

«Книга записная ужинная и умолотная посевная Покровского двча мнстря вотчины села Бережку старосты Якова Федотова целовалника Мини Васильева мнстрьскому ржаному хлѣбу ужато в селе Бережку мнстрьские ржи на мнстрьскомъ жеребю на крстьянскои пахоте на трицати на осми десятинах сто трицат сотницъ а по опыту умолоту и(з) сотницы с овина по четверти», 1661, ф. 575, оп. 1, № 26, л. 4—4 об.

В ряде случаев подобные книги превращаются на следующих страницах в книги прихода-расходные, когда, во-первых, подводится итог собранному хлебу и, во-вторых, отмечается его расходование на те или иные нужды и статьи. Вследствие этого лексический состав данной группы рукописных источников не ограничивается сельскохозяйственным словарем, а является более широким. Впрочем, и заключенный в них сельскохозяйственный словарь достаточно разнообразен — содержит номенклатуру обрабатываемых угодий, наименования производственных операций и способов обработки сельскохозяйственных культур, названия, характеризующие качество зерна, и т. д. В этом легко убедиться, заглянув, например, в рукопись «Книги ужинные и опытные и посевные Покровского двча мнстря вотчины села Шипова». «Ужато, — отмечается в них, — на крстьянскои пахоте на мнстрьскомъ жеребю на *взгоне* и на *изорных* на пятидесят на девяти десятинах без четверти десятины двести пятьдесят шесть сотницъ ржи неградобоинои да градобоинои нажато на тех же десятинах двести дватцет две

сотницы да леглои нажато тритцеть две сотницы да тое же неградобоиной ржи обмолочено на семена с овинов и сыробоем сто шестьдесят сотницъ. . . неградобоиной же ржи складена кладъ восьмьдесятъ сотницъ», 1692, ф. 575, оп. 1, № 26, л. 69, 71 об., 73. Упоминание об изорных десятинах содержится и в начале книг (л. 1). Ни в «Материалах» И. И. Срезневского, ни в картотеке ДРС это слово не представлено, в последней имеется только *изорник*, а в «Материалах» еще прилагательное *изорьничъ*, причем оба слова — только из Псковской судной грамоты.

Кроме приходо-расходных, посевных, ужинных и иных книг, монастырские фонды охватывают немало дел, объединяющих разнообразные документы, появление которых было связано с административной и экономической жизнью монастырей, социальными столкновениями, повседневной жизнью монастырских вотчин. Это и выписи из писцовых книг, и материалы о состоянии монастырского хозяйства, в том числе донесения старост, и описи имущества, и челобитные, и поручные записи и т. п. Надо сказать, что эти памятники местной деловой письменности, за исключением копийных текстов, вроде выписок из писцовых книг, в общем несколько отличаются от московских приказных текстов той же самой поры. Они менее формализованы. По всей вероятности, казалось то, что многие из этих документов служили для внутреннего употребления, в пределах монастырских владений. В документах находят отражение определенные события, действия, поступки и отношения между людьми. Вследствие их «событийного» характера в них богаче, нежели в книгах, представлена лексика, связанная с обозначением действий, процессов, состояний или явлений. Подобные тексты в известной мере раскрывают перед нами ту область словаря, которая в указанных книгах, в силу предметности их содержания, не могла получить заметного отражения. Вот, например, одна из крестьянских челобитных.

«Гсдрне игумене Марее и гсдрне келарю старице Анастасии и всему собору бьет челом сирота вашъ монастырские ваши вотчины селца Чагина кристянин Мишка Василевъ обѣщание у меня сироты постричься а без вашего властелинского указу я сирота постричься не смею а что у меня сироты тягла и тем тяглом владеет детям

Рис. 2. 1-й лист выписи с книг Суздальского уезда, Опольского стана, межевания Петра Леонтьевича Молвянинова. 1690 г.

моимъ Максимку да Костюшке Михайловым да мнучетом моимъ Лукояну да Семену Якимовым умлститеся гсдрни игуменя Марѳа и гсдрни келар старица Анастасия и вес собор пожалуйте меня сироту своего велите гсдрни о пострижени дат мнѣ сиротѣ отпускную память и велите гсдрни тем моим тяглом владеет им детям да мнучетом моим гсдрни смилуйтеся пожалуйте», 1699, ф. 575, оп. 1, № 16, л. 26.

Струя живой народной речи в отдельных деловых текстах пробивается очень заметно. Приведем рассказ о хмельных приключениях монастырского гонца.

«В приказной избѣ мнстрской слуга Иван Заморает в допросе сказал в ннешнем де во РЧЗ году июля въ КЗ де по приказу гсдреи власти послан я к Москве с мнстрскими писмами и того де числа я из двора своего не поѣхал потому что было поздно а жены де ево в доме не было и поѣхал де на утро. . . в понедѣльникъ в час дни и заѣхал де на позмеле в город кремль к николскому попу Василю Гаврилову и пил у него до полдни и напився пьян от него попа Василя поѣхал к селу Иванскому и дорогою ѣдучи к селу Яневу с лошади свалился а в коем де мѣсте свалился тово не упомяну был пьян и на поле спал и проснувся за лошедию побѣг к Суздалю и лошедеи поимал. . . а седло де и потники и сумки с писмами и епанчю лошед потеряла невѣдомо гдѣ и села де Селца с крстьянином с Михаилом Токмаковым седла и потников и епанчи и сумок с писмами искали и нашли одны потничиска а в коем мѣсте нашли тово он Иван сказал не упомянет скажет де Михаило Токмаков и спал де он Иван истерявся на поле а с поля розбудя взял ево ночью Конюхов Митка», 1689, ф. 575, оп. 1, № 18, л. 31.

Сообщим некоторые фрагментарные сведения об отражении отдельных звуковых и грамматических явлений в интересующих нас рукописных текстах. В отличие от материалов того же времени, но южновеликорусских по происхождению, они для наблюдений по фонетике, не согласной с орфографией, дают относительно немного.

В значительной группе рукописей, даже при первом ознакомлении, бросается в глаза сохранение *ѣ* в положении под ударением; одновременно в соответствии с *ѣ* этимологическим в безударном положении пишется *е*: мнстрской лѣс, 1653, ф. 575, оп. 1, № 14, л. 3, ср.: в томъ лесу, там же: на рѣчке, 1683, ф. 567, оп. 2, № 2, л. 76, ср.: на рекѣ, там же, л. 75. В части текстов представлено написание *е* вместо *ѣ* в любых положениях. Не претендуя на бесспорное обобщение, заметим: в большом количестве текстов, с которыми мы ознакомились, случаев, иллюстрирующих переход *а* в *е* в положении между мягкими согласными под ударением, не обнаружено. Налицо результаты перехода *е* в *о* как после шипящих (решот, 1687, ф. 584, оп. 1, № 2, л. 24 об.), так

и после мягких согласных: *отвезон*, згребона, 1616, ф. 575, оп. 1, № 18, л. 12; *овос*, 1620, там же, л. 14; Кисилъ, 1655, ф. 575, оп. 1, № 23, л. 18.

В области безударных гласных можно отметить случаи отражения заударной редукции *о* в виде написания буквы *а*. Встретилось несколько случаев аканья, например: Рамашке, 1655, ф. 575, оп. 1, № 23, л. 12; фанарь, 1698, ф. 586, оп. 1, № 3, л. 28, и др. Связывать эти факты с состоянием местной речи в XVII столетии, однако, не представляется возможным. Они производят впечатление случайных и скорее всего объясняются тем, что среди обитателей монастырей и монастырских вотчин могли оказаться и выходцы из южновеликорусских мест. О сильной лабиализации гласного *о* в начальном безударном слоге говорит такое написание: угорода, 1697, ф. 586, оп. 1, № 3, л. 4. Нередко употребление буквы *ы* вместо *и* в начале слова в положении после твердого согласного: с Ывашке, 1698, ф. 586, оп. 1, № 3, л. 12; с ыстока, XVIII в., ф. 586, оп. 2, № 2, л. 13. Отмечается появление *о* перед определенными группами согласных в начале слова: оржаном, 1655, ф. 575, оп. 1, № 23, л. 32; *осторника*, 1668, ф. 575, оп. 1, № 14, л. 8; *масла*. . . *олленова*, 1687, ф. 584, оп. 1, № 2, л. 57 об.; *холста*. . . *олленова*, там же, л. 68 об.

В общем нет данных, которые указывали бы на сохранение в черте монастырей и вотчинных их владений старой мягкости шипящих. Только в приходе-расходной книге Лукьяновой пустыни (Александровский уезд) писец после *ш* допускает букву *ю*: *шюбнои ковтан*, 1687, ф. 584, оп. 1, № 2, л. 29; *шюбъ поношенных*, там же, л. 36 об.; дано. . . по грошю, там же, л. 41. После *ц* пишется *ы*. Довольно обычно *шн* из *чн*: *ссылошную память*, 1634, ф. 575, оп. 1, № 10, л. 2; *насвъшник*, 1683, ф. 567, оп. 2, № 2, л. 50 об.; *мельнишная*, там же, л. 45; *рукавишнова товару*, 1687, ф. 584, оп. 1, № 2, л. 68; *кирпишному*, 1695, ф. 575, оп. 1, № 295, л. 77; *пешнику*, там же, л. 97 об.; *оброшныхъ*, 1697, ф. 586, оп. 1, № 3, л. 5 об. Отметим изменение *вн* в *мн*: *мнучетом*, 1699, ф. 575, оп. 1, № 16, л. 26. Обыкновенны отражения ассимиляции согласных по звонкости и глухости.

Несколько замечаний об отдельных грамматических фактах. Слово *сирота* и как название лица мужского пола могло еще относиться к категории женского рода:

сирота твоя. . . *крстьянин*, 1633, ф. 575, оп. 1, № 14, л. 5. Имело широкое распространение окончание *-у* в родительном падеже единственного числа имен существительных мужского рода: без остатку, 1653, ф. 575, оп. 1, № 14, л. 3; с перевозу, 1697, ф. 586, оп. 1, № 3, л. 2; солоду. . . *смолото*, 1655, ф. 575, оп. 1, № 23, л. 29; куплено. . . *меду*, 1698, ф. 586, оп. 1, № 3, л. 14 об. Имена существительные — названия животных в винительном падеже множественного числа не входили в категорию одушевленных: кормили лошади, 1655, ф. 575, оп. 1, № 23, л. 18; чистил. . . лошади, 1694, ф. 575, оп. 1, № 286, л. 22; куплено доинок доит мнстрьские коровы, 1701, ф. 575, оп. 1, № 26, л. 49 об.; подковывать мнстрьские лошади, там же, л. 52 об. В родительном падеже единственного числа мужского рода прилагательных и неличных местоимений наличествуют следы отражения произносительной нормы *-ово*: своево, 1634, ф. 575, оп. 1, № 10, л. 2; годовова, 1655, ф. 575, оп. 1, № 23, л. 12; плужново, там же, л. 13 об.; ржанова, там же, л. 29. Представлены деепричастия на *-учи*: ъдучи. . . с лошади свалился, 1689, ф. 575, оп. 1, № 18, л. 31.

Из синтаксических особенностей обращает на себя внимание конструкция «инфинитив+форма именительного падежа единственного числа существительных женского рода на *-а*»: желѣза. . . *отдано* кузнецу. . . *дѣлат* на мирской двор лопата, 1701, ф. 576, оп. 1, № 26, л. 31 об.; возить солома, там же, л. 38 об.; возить на мнстрь вода, там же, л. 46.

В заключение отметим, что некоторые извлечения из названных монастырских фондов в прошлом публиковались. Таковы, например, публикации К. Тихонравова:

Книга расходная суздальского Покровского девичьего монастыря 1686 г. — «Владимирские губернские ведомости», 1865, № 12. Часть неофициальная.

Разные старинные акты, хранившиеся в суздальском Покровском девичьем монастыре в 1669 г. — «Владимирские губернские ведомости», 1867, № 34. Часть неофициальная.